

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

В свою статью «Человек и этничность» (ЭО, 1994, № 6) я заложил несколько весьма спорных идей и не снабдил их достаточно надежным демпфером в виде разного рода фразеологических уловок, которые обычно применяются для предохранения автора от жесткой критики. Сделано это было для того, чтобы максимально ясно обозначить дискуссионные; на мой взгляд, проблемы. Отчасти мною руководило несколько эгоистичное желание проверить собственные сомнения, но в то же время — ощущение сильно затянувшейся паузы в обсуждении непреходящих теоретических проблем, которые в последние годы приобрели, ко всему прочему, важное практическое, политическое значение.

Похоже, мы переживаем время, когда «витание в эмпиреях» стало не очень привлекательным занятием. Наблюдается некоторое нарушение преемственности в развитии отечественной этнологической мысли. Это связано, видимо, с особенностями нынешних условий научной деятельности: критерием ее успешности, полезности и т. п. стали не идеи, а дополнительно оплачиваемые сугубо прикладные исследования. Конечно, и в недавнем советском прошлом не было массового похода этнологов в теорию; сам этот уровень исследований не предполагает «массовости». Однако, помнится, дискуссии велись весьма оживленные и более регулярные. Изменения заметны и по редакционному портфелю «Этнографического обозрения». Теоретические статьи поступают главным образом из провинции, от авторов, которые не являются профессиональными этнологами. Этнологическая теория все больше становится любительским занятием, зачастую с уклоном в политическую конъюнктуру.

Тем более мне лестно, что на мою статью откликнулись такие авторитетные ученые, как В. И. Козлов (ЭО, 1995, № 3) и С. А. Арутюнов (ЭО, 1995, № 5), которые принадлежат к числу главных разработчиков отечественной этнологической теории. Весьма принципиальные критические замечания оппонентов побудили меня дать некоторый оперативный комментарий — пока читатели еще, возможно, не забыли, о чем идет речь. Вялотекущие дискуссии не очень интересны.

Статья В. И. Козлова, на мой взгляд, показательна тем, что она отражает один из подходов к оценке состояния этнологической теории. По существу В. И. Козлов в весьма корректной и мягкой форме дал понять автору, что его сомнения, размышления, попытки поставить какие-то проблемы — от лукавого. Основное уже ясно. И это основное (содержится в советской «теории этноса») выражено известной дефиницией этноса. В подтверждение автор привел основные положения той же «теории этноса», что, вероятно, должно служить доказательством ее правильности и незыблемости. Мне, однако, такая аргументация не показалась достаточно убедительной. Кстати говоря, если я цитирую С. М. Широкогова и Л. Н. Гумилева, в пиетете к которым меня уличает В. И. Козлов, то вовсе не потому, что считаю их мнения бесспорными доказательствами чего бы то ни было. Их концепции весьма оригинальны, а в своей статье я хотел показать разнообразие и своеобразие существовавших и существующих подходов к проблеме этноса.

В позиции С. А. Арутюнова я обнаружил многое близкое и своим собственным взглядам. Например, полностью согласен с С. А. Арутюновым, как и с В. И. Козловым, в том, что этнические общности — это объективная реальность. Меня, пожалуй, можно упрекнуть не в субъективизации этноса, а в некоторой толике идеализма и агностицизма (что, кажется, и усматривают мои оппоненты, в частности, В. И. Козлов). И такую критику я готов признать, если можно считать агностицизмом указание на очевидный, с моей точки зрения, факт ограничен-

ности познавательных возможностей науки, а идеализмом — допущение понимания этноса как такого явления, которое не образуется какими-либо ясно зримыми, «опредмеченными» видами деятельности.

Как мне кажется, мы с С. А. Арутюновым имеем в виду именно это, когда говорим о принципе группирования и плотности информационных связей соответственно, считая их основой и сутью этничности, хотя я, конечно, не могу ручаться, что оппонент согласится с этим предположением.

Основное мое расхождение с С. А. Арутюновым я вижу в том, что он склонен рассматривать этнос в качестве комплексного явления, «всеобщей совокупности информационных связей (по сути, это модификация одного из положений «теории этноса», которое определяет этническую специфику как уникальное сочетание культурных черт); мой же подход состоит в желательности и правомерности поисков главной и единственной сущности этничности.

Сходимся мы с С. А. Арутюновым и в том, что не приемлем практические выводы друг друга. Конечно, я мог бы попытаться просто поймать оппонента на неточном цитировании моего высказывания. Буквально оно звучит так: «Между прочим, невозможно доказать, что этносы — это именно то, что надо не только не разрушать (тут не о чем спорить), не только поддерживать, но и непременно сохранять, жертвуя всеми прочими социальными ценностями». Последняя часть фразы, опущенная С. А. Арутюновым (опущено, впрочем, и ее начало), содержит суть моего подхода и вроде бы нейтрализует критический пафос оппонента. Однако, вчитавшись в его аргументацию, я понял, что дело не в этом. Насколько я понял, для С. А. Арутюнова важнее всего «сохранять», а цена этого имеет второстепенное значение. Именно такой подход я называю музейным, который, пусть меня простит искренне уважаемый мною оппонент, выглядит антиисторичным.

Украшательство жизни культурным разнообразием — это, полагаю, не главное предназначение этносов. А история — довольно жестокая вещь. Создавая что-то новое, она обычно уничтожает что-то старое. Если старое прекращает свое существование в силу естественных причин и при этом дает путь новому, то в этом надо видеть действие исторического процесса, а не злой умысел. Между прочим хетты, шумеры, урарты и этруски исчезли, насколько мне известно, отнюдь не по причине геноцида или чего-то в этом роде. А если бы их историческое бытие продолжалось, то, возможно, рядом с ними не было бы сегодняшних армян, азербайджанцев, турок и итальянцев. Я был бы отнюдь не против, если бы по соседству с нами сегодня жили еще, например, австралопитековые или неандертальцы. Но миром управляют законы эволюции, совершенно безразличные к нашим эстетическим вкусам и нравственным исканиям.

Есть, однако, и более серьезные вещи, чем исторические фантазии. «Музейный подход» к этносам в последние годы активно используется в политике для обоснования претензий на национальную исключительность, преимущественные права для отдельных этнических групп (на деле — для этнических элит), оправдания этнической дискриминации, депортаций, прямого насилия. Вот это и есть та цена, которую, по моему глубокому убеждению, нельзя платить за то, чтобы наслаждаться этническими красотами. Эти красоты не стоят прав людей на жизнь, мир, благосостояние, счастье.

В условиях политических и правовых реалий невозможно обеспечить «приоритетность» всем объектам государственной политики. Приоритетность по определению предусматривает иерархичность. В контексте этнополитических проблем это означает, что неминуемо приходится выбирать между правами человека и правами этнических групп. Доминирующая идеология в современном мире, принципы ООН, вся риторика перестроечных и постперестроечных лет выдержаны в духе главенства индивидуальных прав человека и гражданина. На деле же в нашей стране этот императив не ближе к осуществлению, чем в эпоху советского тоталитаризма. Более того, все чаще даже высокопоставленные государственные деятели говорят о том, что этот принцип у нас еще рано реализовывать, что у нас — своя

специфика, что надо еще несколько десятилетий поддерживать систему преимущественности этногрупповых прав¹. Как будто не было 70 лет, как будто не было и нет тех тяжелых последствий разгула этнонационализма, от которых страдают народы нашей страны! А печальней всего, что такие взгляды нередко высказывают и ученые. Действительно грустно. Видимо, Россия обречена брести по порочному кругу своей несчастливой истории, подобно колодезной кляче.

Примечание

¹ См., например: Абдулатипов Р. Национальная политика России должна быть честной и демократичной. Послание президенту Российской Федерации Ельцину Б. Н. о федеративной и национальной политике // Независимая газета. 14 марта 1995 г.

Reply to the opponents

The author responds to criticism by V. I. Kozlov (EO, 1995, № 3) and S. A. Arutyunov (EO, 1995, № 5), and argues that discussions on theoretical issues of ethnology are extremely important. There are obvious differences in opinion between the author and his opponents, especially S. Arutyunov, on some essential problems, such as the relationship between the ethnic and individual rights.

S. V. Cheshko

© 1995 г. ЭО, № 5

Е. М. Колпак о в

ЭТНОС И ЭТНИЧНОСТЬ

С 1986 г. советские, а теперь уже российские, этнографы почти непрерывно обсуждают проблемы, связанные с понятием этноса¹. При этом сама теория этноса, сформулированная в 1970-е годы главным образом Ю. В. Бромлеем, практически не меняется. Приводимые в дискуссиях новые факты в целом аналогичны тем, которыми оперировал Ю. В. Бромлей и которые без труда вписываются в его теорию. В то же время специфика этноса, по мнению М. В. Крюкова, «не вполне адекватно отражена в наиболее часто встречающемся определении»². Более того, анализ коренной дефиниции общепринятой теории этноса, как отмечал П. А. Белков, «показывает серьезные отступления от элементарных логических положений»³.

Существующая теория. Эмпирической базой для введения этого понятия является факт существования таких человеческих общностей, которые называют себя поляками, русскими, англичанами, арабами, масаями, ирокезами, вепсами и т. д. и которые обозначаются такими терминами, как *нация*, *национальность*, *народ*, *народность*, *племя*. В науке то общее, что есть у таких образований, «принято теперь называть *этническими*, а упомянутые выше совокупности людей — *этносдами*»⁴. Таким образом, этнос в упомянутом смысле является одним из видов человеческих общностей. А следовательно, необходимо указать те признаки, которые отличают его от всех других общностей людей. Сделать это оказалось крайне трудно, несмотря на очевидность существования этносов в реальности.

По Ю. В. Бромлею и В. И. Козлову, *этнос* в узком значении, или этникос — это «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других